

Роберт Рождественский Ожидание (Монолог женщины)

Микаэлу Таривердиеву

*Вот ведь как!
Явилась первой.
Надо было опоздать.
Где-нибудь в сторонке встать...
Что поделать —
сдали нервы...
Шла —
как будто на экзамен,
с пятницы считала дни...
как же:
«Встреча под часами»!
Под часами.
Вот они.
А его на месте нет...
(Как некстати нервы сдали!)
Ну еще бы! —
на свиданье
не была я
столько лет!
Даже страшно подсчитать...
Что ж я:
рада иль не рада?
Там увидим...
Только надо,
надо было опоздать!..
Дура!
Сделала прическу,
влезла в новое пальто,
торопилась,
как девчонка.
Прибежала...
Дальше что?
Современная женщина,
современная женщина!
Суею замотана,
но, как прежде, — божественна.
Пусть немного усталая,
но, как прежде, — прекрасная.
До конца непонятная,
только сердцу подвластная.
Современная женщина,
современная женщина, —
то грустна и задумчива,
то светла и торжественна.
Доказать ее слабости,
побороть ее в дерзости
зря мужчины стараются,
понапрасну надуются!
Хоть не хвастает силою,
но на ней — тем не менее —*

и заботы служебные,
и заботы семейные.
Все на свете познавшая,
все невзгоды прошедшая, —
остается загадкой
современная женщина!
Ромео моего
пока что
не заметно ...
Что ж,
подождем его.
Я очень
современна!..
Порой берет тоска:
ведь нужно быть, к примеру,
кокетливой
(слегка!)
и неприступной
(в меру!)
Все
успеваешь ты:
казаться беззаботной
и покупать
цветы
себе,
идя с работы.
Самой себе
стирать,
себе готовить ужин,
квартиру убирать
с усердием ненужным.
Подруге позвонить
замужней и счастливой, —
и очень мудрой
слыть,
быть
очень терпеливой.
Выслушивать слова
и повторять, не споря:
«Конечно,
ты права!
Мужья —
сплошное горе».
И трубку положить
спокойно и устало.
И, зубы стиснув,
жить
во что бы то ни стало!
И маяться одной,
забытой,
как растение.
И ждать
очередной —
проклятый! —
день рождения...
И в зеркало смотреть.
И все морищины

видеть.
И вновь себя
жалеть.
А чаще —
ненавидеть!..
Нести
свою печаль.
Играть с судьбою
в прятки.
И плакать
по ночам.
А утром
быть в порядке.
Являться в институт
и злиться без причины...
Ну,
вот они идут
по улице —
мужчины!
Красавцы на подбор
с достоинством
спесивым.
Самодовольный пол,
считающийся
сильным.
Как равнодушны
вы!
И как же вы
противны,
изнеженные
львы!
Потасканные
тигры!
Глядящие
людьми,
стареющие телом...
Да где он,
черт возьми?!
И в самом деле,
где он?..
«Скорая помощь» —
по городу, словно по полю
голос вселенской беды,
будто флаг, вознеся.
(Господи,
может быть, что-то случилось
с тобою?!)
Улица вся обернулась.
И замерла вся.
Воплем тугим
переполнены сердце и память.
Он оглушает:
Успеть бы!
Успеть бы!
Успеть!..
Вновь с телефонного диска
срывается палец.

«Скорая помощь»
пронзает застывший проспект...
Мир озирается.
Просит любовь о спасенье.
И —
до сих пор неподвластны толпе докторов, —
рушатся
самые прочные дружбы
и семьи.
А у певицы —
горлом не песня,
а кровь!
Голос несчастья над городом мечется снова...
Странно, что в эти минуты,
всему вопреки,
веришь
в извечную помощь
тихого слова.
В скорую помощь
протянутой доброй руки.
Ну, приди же,
любимый!
Приди!
Одинокой мне быть
запрети.
Приходи, прошу,
приходи.
За собой меня
поведи...
Стрелки глупые торопя,
не придумывая ничего,
я уже простила
тебя —
повелителя своего.
Все обычно
в моей мечте.
Я желаю —
совсем не вдруг —
быть распятою
на кресте
осторожных и сильных
рук.
Чтобы стало нам горячо,
а потом —
еще горячей!..
И уткнуться
в твоё плечо.
И проснуться —
на этом плече.
Вот видишь,
тебя и любимым
назвать я успела!
Не надо бы —
сразу...
Ведь лучшие —
когда постепенно.
Ведь лучшие — потом,

лучшие – после...
Любимый, послушай,
ведь лучшие...
Но где я найду
это самое
«лучшие»?!
О, если бы знал ты, любимый,
как страшно и дико
давать о себе объявление в газету:
«Блондинка,
вполне симпатичная,
добрая,
среднего роста...
Ее интересы:
домашний уют и природа.
Имеет профессию.
Ищет надежного друга...»
О, если бы знал ты,
как все это пошло!
И – трудно...
Порой, в темноте,
рассуждаю я очень спокойно:
пройдет одиночество это,
наступит – другое.
Настанет пора,
и закружатся
листья из меди.
В окошко мое постучит
одиночество
смерти.
Нет, я не пугаюсь.
Я знаю,
что время жестоко.
Я все понимаю.
И все принимаю.
Но только
тому одиночеству
я не желаю
сдаваться!
Хочу быть
любимой!
Живою хочу
оставаться.
Смеюсь над другими
и радуюсь дням и рассветам.
И – делаю глупости!
И – не жалею об этом.
Дышу и надеюсь...
О, господи,
как это больно!..
Ты видишь, любимый:
я вот она —
вся пред тобою.
Слова мне скажи!..
Ну, пожалуйста.
Нет больше мочи!..
Чтоб – только не молча,

не молча.
Чтоб только —
не молча!..
Слова говори мне,
слова говори мне —
любые!
Какие захочешь,
чтоб только — не молча,
любимый!
Слова говори мне.
Без этого радость —
не в радость...
Скажи,
что со мной хорошо.
И что я тебе нравлюсь.
Скажи,
что ты любишь меня.
Притворись на мгновенье!..
Соври,
что меня не забудешь.
Соври,
я поверю.
А может, просто
плюнуть и уйти?
И пусть
его
терзают угрызенья!..
(Ну-ну,
шуты, родимая, шуты!
Нашла ты славный повод
для веселья.)
Останусь,
чтобы волю испытать!..
Еще немного подождем.
Помедлим...
Ведь женщины
давно привыкли ждать.
Чего-чего,
а это мы умеем...
Птицы спрятаться
догадаются
и от снега укроются...
Одинокими
не рождаются.
Ими после
становятся.
Ветры зимние
вдаль уносятся
и назад возвращаются.
Почему,
зачем,
одинокество,
ты со мной
не прощаешься?
Пусть мне холодно
и невесело, —
все стерплю,

что положено ...
Одиночество —
ты профессия
до безумия сложная!
Ночь пустынная.
Слезы затемно.
Тишина безответная...
Одиночество —
наказание.
А за что —
я не ведаю...
Ночь окончится.
Боль останется.
День
с начала закрутится...
Одинокими
не рождаются.
Одиночеству
учатся.
Ну, приди же,
любимый!
Приди!
Одинокой мне быть
запрети!
За собой меня
поведи.
Приходи, прошу,
приходи!
Задохнувшись,
к себе прижми
и на счастье,
и на беду...
Если хочешь,
замуж возьми.
А не хочешь —
и так пойду.
Слово-то какое:
«замуж» —
сладкий дым...
Лишь бы он пришел,
а там уж
поглядим.
Пусть не густо
в смысле денег
у него, —
приголубим,
приоденем, —
ничего!
Лишь бы дом мой,
дом постылый,
не был пуст.
Пусть придет —
большой и сильный, —
курит пусть!
Спорит,
ежели охота.
Пусть храпит!..

Так спокойно,
если кто-то
рядом
спит...
Хорошо бы
пил не очень.
И любил,
хоть немножечко!..
А впрочем,
лишь бы
был...
Без него сейчас мне точно
нет житья!..
Да зачем я так?!
Да что же,
что же
я?!
Черт с тобой!
Не приходи!
Вспоминать —
и то противно...
Сгинь!
Исчезни!
Пропади!
Я-то
нюни распустила...
Не желаю подбирать
со стола
чужие крохи.
Если вновь захочешь врать,
ври
уже другой дурехе!..
Ишь,
нашелся эталон!
Я в гробу таких
видала!
Тоже мне
Ален Делон
поселкового масштаба.
Бабник!
Только и всего.
Трус!
Теперь я точно знаю...
Он решил,
что на него я
свободу
променяю?!
Думал:
баба влюблена!..
Что?
Не вышло?
Ешьте сами!
Вашей милости цена —
три копейки
на базаре.
Я везде таких
найду!

Десять штук
на каждый вечер...
Не звони —
не подойду!
Не отвечу,
не отвечу!
Как без тебя?
Как?..
Был ты
синицей в руках.
Что без тебя
я?
Словно земля
ничья.
Стонет моя
боль.
Я бы пошла
за тобой!
Шла бы,
закрыв глаза,
тихая,
как слеза...
Мне без тебя
как?
Птицей стать
в облаках?
Реять
в ночной темноте?
Крылья уже
не те...
Злую печаль
пью.
Злюсь на судьбу
свою.
Вижу
ее свет...
Есть ты там
или нет?
Мечется
мой
крик!
Он от других
скрыт.
Боль
отдается в висках:
Как без тебя?
Как?
Стану
верной женою.
Не пройди стороною, —
буду
верной женою.
Над судьбой
и над домом
стану
солнышком добрым,
над судьбой

и над домом.
Хочешь —
буду сестрою.
От несчастий прикрою,
хочешь —
буду сестрою.
Скажешь —
буду рабыней.
Если только любимой,
то могу —
и рабыней.
Кто может чуду приказать:
«Свершись!» —
от собственного крика
холодея?..
Мне кажется:
я жду
уже всю жизнь.
Мне кажется:
я жду
почти с рожденья.
Я буду ждать
до самого конца!
Я буду ждать
за смертью
и за далью!
Во мне стучат
сестер моих
сердца.
Сестер по жизни
и по ожиданью.
В этот час
миллионы моих незнакомых сестер,
ничего не сказав,
никому и ни в чем не покаясь,
ожидают мгновенья
взойти
на высокий костер,
на костер настоящей любви,
и — сгореть,
улыбаясь.
В этот час мои сестры
на гребне такой высоты,
простирая в бессмертье
зовущие
нежные руки,
ждут любимых своих
под часами
всесильной мечты.
Под часами судьбы.
Под часами
надежды и муки...
В этом взрывчатом мире
забытой уже
тишины,
где над всеми
бессонное время

летит безучастно,
не придется вам пусть никогда
ждать любимых
с войны!
Не придется вам пусть никогда
ждать любимых
напрасно!
Рядом с бронзой царей,
разжиревших
на лжи и крови,
рядом с бронзой героев,
рискнувших собой в одночасье,
должен выситься памятник
Женщине
жадущей любви!
Светлый памятник Женщине,
жадущей
обычного счастья...
Вновь приходит зима
в круговерти метелей и стуж.
Вновь для звезд и снежинок
распахнуто небо ночное...
Все равно я дождусь!
Обязательно
счастья дождусь!
И хочу, чтобы вы
в это верили
вместе со мною.
...Ну, приди же,
любимый!
Приди!